УДК УДК 347.9:347.1

Холодов В.А.,
Российская академия народного хозяй-ства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, Орел)

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена анализу судебной практики по защите нематериальных благ и личных неимущественных прав в России. В статье также уделяется внимание компенсации морального вреда за причиненные гражданам моральные страдания.

Ключевые слова: нематериальные блага, личные неимущественные права, судебная практика, Верховный Суд РФ.

Закономерности исторического развития правовой действительности постперестроечной России обусловили неизбежность возрастания роли личностных отношений в социальном общественном организме, а также значимость нематериальных благ и, таким образом, актуализацию судебной защиты нарушенных и оспариваемых нематериальных благ и личных неимущественных прав личности в Российской Федерации.

Односторонний и неправильный подход к значению нематериальных благ и личных неимущественных прав в жизни граждан наблюдался не только в судебной практике, но и в гражданском законодательстве в целом, что, безусловно, не соответствовало социальной справедливости при решении вопроса о правовой защите субъективных неимущественных прав и нематериальных благ личности при их нарушении. В связи с этим, актуальность исследования проблем гражданско-правовой ответственности при причинении вреда неимущественного характера определяется возросшей общественно-практической значимостью личности в условиях становления современной российской государственности. Кроме того, после принятия Президентом России Д.А. Медведевым Указа «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской

Федерации»[1] изменения в гражданском законодательстве, которые коснутся основополагающих, фундаментальных ценностей — нематериальных благ личности, заслуживают особого внимания и изучения.

Юридическая практика относительно защиты нематериальных благ, связанных с физическим и психическим благополучием граждан, свидетельствует о том, что в большинстве случаев повреждение здоровья граждан имеет место при совершении деликтов, связанных с ненадлежащим исполнением договорных обязательств по оказанию возмездных медицинских и иных услуг, а также при исполнении трудовых обязанностей. Право на жизнь и охрану здоровья относится к числу общепризнанных, основных, неотчуждаемых прав и свобод человека, подлежащих государственной защите. Защищая жизнь и здоровье граждан, суды руководствуются нормами гл. 39 ГК РФ, гл. 59 ГК РФ, статьями 151, 1099-1101 ГК РФ, Основами законодательства РФ об охране здоровья граждан, иными нормативно-правовыми актами об охране здоровья и жизни граждан, а также постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

В этой связи, следует обратить особое внимание на постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью»[2]. Основные положения данного постановления состоят в том, что, во-первых, в силу п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ дела по спорам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, подведомственны судам общей юрисдикции[3]; во-вторых, в силу ст. 411 ГК РФ не допускается зачет требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, с иными требованиями, в том числе с однородными[4]; в-третьих, при разрешении спора о возмещении вреда жизни или здоровью, причиненного вследствие умысла потерпевшего, согласно п. 1 ст. 1083 ГК РФ такой вред возмещению не подлежит[5].

В судебной практике последних лет нередки случаи исков по компенсации морального вреда за причиненные гражданам нравственные страдания. Например, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ в 2009 г. приводится дело, суть которого состоит в следующем[6]. По приговору суда К., С. и Т. признаны виновными в совершении убийства дочери М. М. обратилась в суд с иском и просила суд взыскать с ответчиков сумму причиненного ей материального вреда (расходы на погребение), а также компенсацию морального вреда. Решением районного суда исковые требования удовлетворены. В кассационном порядке дело не рассматривалось. Президиум областного суда, отменяя решение районного суда в части компенсации истице морального вреда и принимая в этой части новое решение об отказе в иске, указал, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и он участвует в процессе в защиту интересов всей семьи. По приговору суда в пользу потерпевшего по уголовному делу отца убитой (мужа истицы) с К., С. и Т. взыскана денежная компенсация морального вреда. В связи с этим, по мнению президиума областного суда, не имелось оснований для удовлетворения заявленного в порядке гражданского судопроизводства матерью погибшей требования о компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановление президиума областного суда отменила, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям. Во-первых, в соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Во-вторых, решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ было основано на том, что близкие родственники лица, смерть которого наступила в результате преступных действий ответчиков, вправе требовать компенсации морального вреда за причиненные им нравственные страдания[7].

Относительно компенсации морального вреда действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина и принадлежащие ему материальные блага позиция Верховного Суда РФ состоит в том, что, во-первых, согласно ч. 1 ст. 150 ГК РФ личные неимущественные права и нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, обладают признаком неотчуждаемо-

сти, а, во-вторых — компенсация морального вреда является одним их способов защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан[8]. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определением от 23.03.2010 г. № 26-В10-1 отменила определение Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 27 января 2009 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Ингушетия от 26 февраля 2009 г. и направила материалы по иску А. в интересах Г. к Минфину России о компенсации морального вреда в Сунженский районный суд для решения вопроса о принятии к производству. Суть дела состояла в том, что А. обратилась в Сунженский районный суд Республики Ингушетия с исковым заявлением к Минфину России о компенсации морального вреда, причиненного Г. незаконным привлечением к уголовной ответственности, указав, что является законным представителем Г., признанного судом недееспособным. Определением судьи Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 27 января 2009 г. исковое заявление А. возвращено без рассмотрения, а определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда республики Ингушетия от 26 февраля 2009 г. определение судьи Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 27 января 2009 г. отменено и принято новое определение об оставлении искового заявления без рассмотрения. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ основывалось на том, что «права, свободы и законные интересы граждан, признанных судом недееспособными, защищает в судебном процессе их опекун. Требование о компенсации морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности, рассматривается с участием Минфина России в лице управления Федерального казначейства по соответствующему субъекту Российской Федерации»[9].

Юридическая практика свидетельствует о том, что иски о защите чести и достоинства относятся к числу способов защиты, получивших в последнее время большое распространение и достаточно четкое правовое регулирование. По данной категории дел обязанности по доказыванию распределяются между истцом и ответчиком следующим образом: истец обязан доказать, во-первых, факт распространения порочащих его сведений, во-вторых, порочащий характер этих сведений; ответчик же должен доказать соответствие этих сведений действительности. По общему правилу стороны не обязаны доказывать, а суд не обязан устанавливать наличие вреда. Думается, что законодатель обоснованно исходит из презумпции наличия вреда, причем презумпции неопровержимой, ведь ответчик не может по общему правилу в качестве возражения представить доказательства, что никакого ущерба, например, деловая репутация истца не получила.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в большинстве судебных актов суды прямо или косвенно говорят о необходимости доказывать наличие либо собственно вреда чести, достоинству или деловой репутации, либо намерения причинить такой вред. Например, интересна позиция Верховного Суда РФ относительно приговора Оренбургского областного суда от 25 января 2012 г., вынесенному с участием присяжных заседателей, по которому К. осуждена по ч. 2. ст. 297 УК РФ и в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ освобождена от наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования. К. признана виновной в неуважении к суду, выразившемся в оскорблении судьи, участвующего в отправлении правосудия[10]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 17 мая 2012 г. приговор оставила без изменения, основываясь на том, что К. разместила в письменной форме в сети Интернет оскорбление в неприличной форме в отношении федерального судьи районного суда, которое унижает ее честь и достоинство как судьи, участвующей в рассмотрении гражданских дел и материалов. Причем, в вышеупомянутом определении четко указывается обоснованность принятого решения, основанного на том, что К. «...будучи несогласной с принятыми судьей решениями по ее жалобам, испытывая в связи с этим личную неприязнь к этой судье, действуя с прямым умыслом, являясь активным участником обсуждения деятельности органов государственной власти в сети Интернет, осознавая публичный характер своих высказываний и размещая их в Интернете на общедоступном форуме в письменном виде, она не только осознавала, что унижает честь и достоинство судьи, участвующего в рассмотрении гражданских дел и материалов, но и желала этого, проявляя тем самым явное пре-

небрежение к суду и подрывая авторитет судебной власти»[11].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что правовые средства и способы защиты, предусмотренные нормами российского законодательства, становятся все более необходимыми для регулирования и защиты именно нематериальных благ и личных неимущественных прав российских граждан. В настоящее время имущественные отношения еще пока доминируют, но уже в скором времени существенная часть общественных отношений, регулируемых и защищаемых российским законодательством, будет относиться именно к личным неимущественным правоотношениям.

Библиографический список:

1. См.: Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» //Собрание законов РФ. 2008. № 29. (Часть I). Ст. 3482.
2. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — №3. — С. 2-12.
3. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — №3. — С. 2.
4. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — №3. — С. 3.
5. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — №3. — С. 6.
6. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — №5. — С. 15.
7. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — №5. — С. 15.
8. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — №1. — С.13.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — №1. — С. 12.
10. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — №5. — С. 37.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — №5. — С. 38.
12. Селютина Е.Н., Матвеева Е.С. Актуальные проблемы формирования и развития российской государственности (обзор материалов научно-практического «круглого стола»)//Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 188-195.

References:

1. See: The decree of the President of the Russian Federation of July 18, 2008 No. 1108 "About improvement of the Civil code of the Russian Federation"// Collection of acts of the Russian Federation. 2008 . No. 29. (Part I). Art. 3482.
2. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2010 . — No. 3. — Page 2-12.
3. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2010 . — No. 3. — Page 2.
4. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2010 . — No. 3. — Page 3.
5. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2010 . — No. 3. — Page 6.
6. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2009 . — No. 5. — Page 15.
7. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2009 . — No. 5. — Page 15.
8. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2011 . — No. 1. — Page 13.
9. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2011 . — No. 1. — Page 12.
10. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2012 . — No. 5. — Page 37.
11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2012 . — No. 5. — Page 38.
12. Selyutina EN, ES Matveeva Actual problems of formation and development of the Russian state (Review Proceedings of the "round table") // Herald state and municipal government. 2012. № 4. S. 188-195.

Kholodov V.A., Candidate of historical sciences, Associate professor, department of Theory and history of State and law, Oryol branch of the Russian Academy of national economy and public administration

TO A QUESTION OF PROTECTION OF THE NON-MATERIAL BENEFITS AND THE PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS IN RUSSIA: ON JURISPRUDENCE MATERIALS

Article is devoted to the jurisprudence analysis on protection of the non-material benefits and the personal non-property rights in Russia. In article the attention of compensation of moral harm for the moral sufferings caused to citizens also is paid.

Key words: non-material benefits, personal non-property rights, jurisprudence, Supreme Court of the Russian Federation.